

Культур. - 2002. - 7-13 февр. - с. 7

День Перайи

Сезон пройдет не зря

О приезде Марри Перайи, культовой фигуры современного пианизма, питерские меломаны начали поговаривать с начала сентября. Завлечь пианиста на невыездные просторы оказалось сложно: администрация Большого зала филармонии совершила в некотором роде подвиг, уговорив музыканта выступить с темиркановским оркестром за одну пятую полагающегося ему по статусу гонорара.

Перайя приехал. И исполнение им Первого фортепианного концерта стало той духовной вершиной, по которой мы ныне обречены равнять все последующие трактовки этого раннего бетховенского опуса. Высочайший уровень интонационной осмысленности, напряженно активная подача текста, в которой гармонично уживались интеллектуализм чистейшей пробы и темное пламя благородной эмоции, умеряемое "оковами" совершенной формы, — такова была эта, без преувеличения, эталонная интерпретация.

Лаконично и убедительно Перайя явил собравшимся в зале профессионалам пианистам (а таковых было большинство) блестящий и поучительный пример того, как в эпоху всеобщей и тотальной шоу-менизации культуры можно противостоять ее соблазнам, ее шуму и треску, преодолевая принятую ныне манеру виртуозной, но "внешней" игры. Как научиться не соскальзывать в пустозвонство, но вырабатывать мысль внутри предлагаемого художественного текста, проникая сквозь глянцевою оболочку вовнутрь и постигая метафизические тайны бетховенского гения.

Не изменять себе; играть не на потребу, но во имя высокой цели; постигать скрытые, имманентные сочинению законы, по которым развивается форма, — так играл Перайя. За что и был по достоинству оценен публикой.

Впрочем, концерт оказался интересен не только по причине участия

в нем Перайи. Вся программа являла собою удивительную смесь из "ноу-хау" и классических хитов. Медитативность наивного искусства Гии Канчели, философский примитивизм которого взлелеян его же киномузыкой, была представлена в его Ergo, сочинении, написанном относительно недавно и впервые исполненном в Амстердаме Куртом Мазуром. В Питере состоялась его российская премьера.

Во втором отделении прозвучала любимая народом "Классическая симфония" Прокофьева, озорная и стремительная, отрефлексировавшая в иронично-остраненном ключе "классицистскую" составляющую программы.

Кульминация же симфонического вечера пришлась на финал концерта. Роскошная постимпрессионистическая партитура "Тиний Рима" Респики была трактована Темиркановым исключительно тонко и поэтично, что дало возможность оркестру показать свои красочные возможности во всем блеске и мощи. Сияющая краса итальянской природы, день и ночь, пение птиц, воспроизводимое с помощью детской водяной свистульки, пыль римских дорог — таково программное содержание опуса. Щедрое излишество, переизбыточность оркестровки оказались впору оркестру, годами сидящему на романтическом репертуаре. Чего нельзя сказать об исполнении Бетховена, для которого потребны легкость звуковедения, точность в выигрывании мелких нот и бысролетных пассажей, общая прозрачность фактуры. В этом стиле оркестр явно был "не на своем поле". И лишь Перайя, приковавший к своей игре внимание зала, спас положение, продемонстрировав такой класс игры, что качество аккомпанемента уже не играло существенной роли.

Гюляра САДЫХ-ЗАДЕ
Санкт-Петербург

М.Перайя